
ЮТА ДЖИН
Там, где спят
ЛЕСНЫЕ
БОГИ
КОРЕЙСКОЕ ФЭНТЕЗИ • ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ • ДУХИ ЛЕСА • ТАЙНА ПРОШЛОГО

Юта Джин
Там, где спят лесные боги

https://litres.ru/74682104
SelfPub; 2026

Аннотация

Он — дух древнего леса. Она — девушка, которую он должен убить.

После смерти бабушки Соён возвращается в родную деревню и наследует дом на краю запретного леса. В первую же ночь она встречает Хвана — бессмертного духа, который ненавидит людей и не терпит неповиновения.

Он даёт ей срок до полнолуния, чтобы покинуть его владения. Она отказывается.

Но вскоре Соён узнаёт о страшной традиции: раз в сто лет лес выбирает себе невесту, и ни одна из девушек не возвращается прежней.

Почему все они похожи на неё? Почему Хван смотрит на неё так, словно уже терял её сотни раз? И почему древний лес пробуждается от одного её прикосновения?

Он не должен её любить. Она не должна ему доверять. Но что, если их история началась задолго до их встречи?

В лесу, где спят боги, даже любовь может оказаться проклятием.

Содержание

Глава первая. Дом на краю леса 4
Глава 2 14
Глава вторая 15
Правила, которые нельзя нарушать 15
Глава 3 41
Глава третья 42
Нить, которую нельзя разорвать 42
Глава 4 61
Глава 4. Тот, кто зовёт из леса 62
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Юта Джин
Там, где спят лесные боги

Глава первая. Дом на краю леса

В день похорон бабушки пошёл снег.

Соён не видела снега в октябре с тех пор, как уехала из деревни двенадцать лет назад. Тогда она была слишком маленькой, чтобы понять, почему бабушка стояла у калитки и смотрела ей вслед, не пытаясь остановить. Теперь Соён вернулась взрослой женщиной, с одним чемоданом, промокшими ботинками и ощущением, будто её позвали туда, куда она никогда не хотела возвращаться.

Автобус высадил её у старой остановки возле горного перевала.

— Дальше не поеду, — сказал водитель, даже не обернувшись. — К вечеру дорогу заметёт.

Соён расплатилась и вышла.

Автобус исчез за поворотом, оставив после себя запах дизеля и тишину.

Деревня лежала ниже, в долине, среди тёмных крыш и голых яблонь. За ней поднимались горы. А за горами начинался лес.

Её лес.

Нет, подумала Соён. Не её.

Она приехала всего лишь забрать вещи, продать дом и вернуться в Сеул. У неё была работа, маленькая съёмная квартира и жизнь, которую она с трудом собрала по кусочкам. Ей не нужны были ни воспоминания, ни семейные тайны, ни старый дом, в котором зимой промерзали стены.

Особенно не нужен был лес.

Она помнила его.

В детстве бабушка запрещала ей приближаться к деревьям после заката. Не пугала волками, не рассказывала о разбойниках. Она говорила только одно:

Если услышишь, что кто-то зовёт тебя из леса, не отвечай.

Когда Соён спрашивала почему, бабушка смотрела на неё так, словно девочка задала вопрос, на который лучше не знать ответа.

— Потому что лес не умеет звать понапрасну, — говорила она.

Тогда Соён смеялась.

Теперь ей было двадцать семь, и она больше не верила в сказки.

По крайней мере, до того вечера.

Дом стоял на самом краю деревни, там, где каменная тропа уходила между сосен и терялась в тумане.

Он оказался меньше, чем Соён помнила. Потемневшая черепица, крыльцо с треснувшей ступенью, деревянные

ставни. Над входом висел выцветший бумажный оберег, испещрённый красными знаками. Ветер шевелил его, хотя остальные ветви стояли неподвижно.

Соён поднялась на крыльцо и достала ключ.

Тот самый, который ей передали вместе с документами после похорон.

Замок открылся не сразу.

Внутри пахло сухими травами, старой бумагой и древесным дымом. Бабушка будто вышла ненадолго: на кухонном столе стояла глиняная чашка, рядом лежали очки и раскрытая книга. На подоконнике высохли веточки хризантем.

Соён сняла пальто.

— Я приехала, — произнесла она в пустоту.

Слова прозвучали глупо.

Она не разговаривала с бабушкой с тех пор, как уехала в Сеул. Сначала была слишком мала, потом слишком занята, потом слишком горда, чтобы первой позвонить. Последний разговор состоялся три года назад и закончился ссорой.

Соён уже не помнила, из-за чего они спорили.

Она помнила только голос бабушки — тихий, усталый:

Ты всё равно однажды вернёшься.

Тогда Соён ответила, что никогда не вернётся.

Она села на край деревянной скамьи и закрыла лицо руками.

Плакать не хотелось. Бабушка прожила долгую жизнь, умерла во сне, и врач сказал, что это было спокойно. Всё бы-

ло правильно, всё было естественно.

И всё же Соён казалось, что она опоздала.

Снаружи что-то стукнуло.

Она подняла голову.

Стук повторился — три раза, с равными промежутками.

Кто-то стоял на крыльце.

Соён вытерла лицо и открыла дверь.

На пороге никого не было.

Только снег.

Он падал крупными хлопьями, укрывая ступени белой пылью. За калиткой темнели деревья. Между их стволами что-то мелькнуло — высокая фигура или просто тень, сдвинутая ветром.

— Эй! — крикнула Соён.

Лес ответил шелестом.

Она уже собиралась закрыть дверь, когда заметила на пороге маленькую веточку.

Вишнёвую.

Соён нахмурилась и подняла её. Ветка была свежей, с набухшими почками. На дворе стоял первый снег, а вишни в этих горах цвели только весной.

Она оглянулась на лес.

Между деревьями никого не было.

Соён бросила веточку на стол и заперла дверь.

В ту ночь ей снилась женщина.

Женщина стояла в саду, залитом лунным светом.

На ней было белое ханбок — традиционное корейское платье, — а длинные волосы были собраны серебряной шпилькой. Она казалась совсем молодой. Может быть, чуть старше самой Соён.

Вокруг росли вишни.

Все они цвели, хотя снег лежал на земле.

Женщина держала в руках красную нить. Один её конец обвивался вокруг запястья, другой уходил в темноту между деревьями.

— Ты опоздала, — сказала женщина.

Соён попыталась ответить, но не смогла пошевелить губами.

— На этот раз ты опоздала.

Женщина подняла глаза.

У неё было лицо Соён.

Не похожее. Не напоминающее.

То же самое лицо.

Только в глазах незнакомки стояла такая древняя печаль, что Соён захотелось отступить.

— Кто ты? — наконец спросила она.

Женщина улыбнулась.

— Та, которой ты обещала помочь.

Из темноты донёсся треск.

Красная нить натянулась.

Женщина резко обернулась, и впервые Соён увидела страх на её лице.

— Не позволяй ему жениться на тебе.

Деревья зашевелились.

Не ветви — сами стволы. Они медленно поворачивались к женщине, словно лес просыпался после долгого сна.

— Не позволяй ему вспомнить, — прошептала она.

А потом чья-то рука легла ей на плечо.

Соён не увидела лица мужчины.

Только чёрный рукав.

Только длинные пальцы, белые, как первый снег.

Женщина закрыла глаза.

И вишнёвые лепестки посыпались на землю, хотя ни одна ветка не дрогнула.

Соён проснулась от холода.

Комната была тёмной. Печь давно погасла, а за окном ещё не рассвело. Она села, пытаясь прогнать остатки сна, и обнаружила, что сжимает в ладони что-то тонкое.

Красную нить.

Она медленно разжала пальцы.

Нить была настоящей. Шёлковой, яркой, завязанной маленьким узлом.

Соён долго смотрела на неё.

Потом вскочила и включила свет.

На столе лежала вишнёвая веточка, которую она принесла с крыльца.

За несколько часов на ней распустились три белых цветка.

Соён отшатнулась.

За окном раздался звук.

Не стук. Не скрип ветвей.

Голос.

— Соён.

Она замерла.

Голос был мужским, глубоким и спокойным. Он прозвучал так близко, словно кто-то стоял по другую сторону стекла.

— Соён, открой дверь.

Она не ответила.

Бабушкины слова вернулись к ней с такой ясностью, будто старуха стояла рядом.

Если услышишь, что кто-то зовёт тебя из леса, не отвечай.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказал голос.

Соён медленно подошла к окну.

За стеклом, среди заснеженных сосен, стоял мужчина в чёрном.

Высокий. Прямой, неподвижный, будто вырезанный из ночи. Длинные волосы были стянуты на затылке, а лицо казалось слишком красивым для незнакомца, который пришёл к чужому дому среди зимней ночи.

Он смотрел прямо на неё.

И улыбался без всякого тепла.

Соён отступила от окна.

Мужчина поднял руку и указал на дверь.

— Открой.

— Кто вы?

Он слегка наклонил голову.

— Ты задаёшь слишком много вопросов для человека, который спит под моей крышей.

Соён посмотрела на потолок.

— Это мой дом.

Улыбка исчезла.

На мгновение в его лице появилось что-то пугающее — не гнев даже, а холодное удивление человека, которому впервые за много столетий осмелились возразить.

— Твой дом, — повторил он.

Ветки за его спиной медленно склонились, хотя ветра не было.

— Да, — сказала Соён, сама не понимая, откуда взялась её смелость. — Мой. Я получила его в наследство.

— Тогда тебе следовало узнать, что именно ты унаследовала.

Он шагнул вперёд.

Снег не хрустнул под его ногами.

— Собирай вещи, человек. У тебя есть время до следующего полнолуния.

— А если я не уеду?

Мужчина посмотрел на неё долгим взглядом.

— Тогда я убью тебя.

Он произнёс это без злости. Без угрозы. Просто сообщил,

что завтра взойдёт солнце.

Соён почувствовала, как холодеют пальцы.

— Почему?

— Потому что лес ещё помнит, что ты сделала.

— Я ничего не делала!

— Ты всегда так говоришь.

Он повернулся, собираясь уйти.

— Подождите! Как вас зовут?

Мужчина остановился.

Некоторое время он стоял спиной к окну, глядя в глубину леса. Потом ответил:

— Хван.

Имя прозвучало странно знакомо.

Не как имя незнакомца.

Как слово, которое она когда-то знала и забыла.

— Хван, — повторила Соён.

В тот же миг все деревья за его спиной покрылись белыми цветами.

Сосны. Кедры. Старые дубы, чьи ветви были голыми с наступлением зимы.

Цветы раскрывались один за другим, тихо, почти бесшумно, и снег падал на них, не оставляя следов.

Хван медленно обернулся.

Впервые за эту ночь он выглядел не сердитым.

Он выглядел испуганным.

Соён не знала, что видит. Не знала, почему цветут дере-

вья и почему мужчина, который только что обещал её убить, смотрит на неё так, словно она воскресила мертвеца.

Но она услышала его шёпот.

— Нет.

Хван смотрел на неё через стекло.

— Этого не может быть.

Он поднял глаза к небу, где между облаками проступал тонкий серп луны.

А затем произнёс слова, которые Соён не должна была услышать:

— Ты ведь умерла.

И лес погас.

Не цветы — свет.

Все окна в деревне потемнели одновременно. Где-то вдалеке испуганно закричала собака. Снег застыл в воздухе, каждая снежинка неподвижно повисла над землёй.

А потом всё рухнуло обратно в ночь.

Хван исчез.

На снегу под окном остался один белый цветок.

Соён не спала до рассвета.

Утром она обнаружила, что цветок пустил корни прямо в деревянный пол.

И что на стекле снаружи, там, где ночью стоял Хван, кто-то написал пальцем одно слово:

НЕВЕСТА.

Глава 2

Глава вторая

Правила, которые нельзя нарушать

Утром Соён решила, что ей нужно выспаться.

Это было первое разумное решение за последние сутки.

Вторым стало решение не смотреть на цветок, проросший сквозь пол.

Она всё равно смотрела.

Белый цветок лежал на деревянной доске, словно его вырезали из тончайшего рисового теста. Три лепестка раскрылись полностью, два оставались свёрнутыми. Тонкий стебель уходил в щель между половицами, и от него тянулись крошечные корни, проникавшие в старое дерево.

Соён попробовала выдернуть его.

Цветок не шелохнулся.

Она потянула сильнее.

Доска жалобно скрипнула.

— Да что же ты такое…

Соён отпустила стебель и выпрямилась.

Вчера вечером она видела, как деревья покрылись цветами посреди зимы. Видела мужчину, который исчез с заснеженной поляны. Слышала, как он назвал её умершей.

А теперь цветок рос у неё в доме.

Возможно, она действительно переутомилась. Последние недели выдались тяжёлыми: похороны, документы, дорога, бессонные ночи. Иногда мозг создаёт удивительно убедительные картины, когда человек слишком долго не отдыхает.

Вот только красная нить всё ещё лежала на прикроватной тумбочке.

Соён завернула её в бумагу и убрала в ящик.

Затем оделась, надела тёплое пальто и вышла из дома.

Ей нужны были ответы. И, если повезёт, человек, который объяснит, почему бабушка всю жизнь боялась собственного сада.

Деревня почти не изменилась.

Те же узкие дороги, те же низкие каменные ограды, те же крыши, над которыми клубился дым. Только магазин у автобусной остановки сменил вывеску, а возле старой школы построили небольшую парковку.

Соён шла по улице, пряча руки в карманах.

Люди узнавали её.

Она замечала это по взглядам: женщины у овощных прилавков замолкали, мужчины, чистившие снег возле домов, провожали её глазами. Кто-то кланялся, кто-то делал вид, что не заметил.

Возможно, они помнили её девочкой.

Возможно, уже знали, что внучка старой госпожи вернулась в дом у леса.

— Соён-а?

Она обернулась.

Из маленькой лавки вышла пожилая женщина в фиолетовой куртке. Соён узнала госпожу Пак — соседку, которая когда-то угощала её горячими лепёшками и позволяла играть со своими внуками во дворе.

— Боже мой, — женщина прижала ладони к щекам. — Ты совсем взрослая стала.

— Здравствуйте, госпожа Пак.

— Я слышала о твоей бабушке. Очень жаль. Она была хорошей женщиной.

— Спасибо.

Женщина помолчала, рассматривая Соён.

— Ты ведь теперь живёшь в её доме?

— Пока не решила. Наверное, продам его.

Улыбка госпожи Пак исчезла.

— Продашь?

— Да. Почему?

— Просто… — Она поправила шарф. — Дом старый. Зимой там холодно. И далеко от деревни.

— Я знаю.

— Тогда лучше не задерживайся.

Соён нахмурилась.

— Вы тоже хотите, чтобы я уехала до полнолуния?

Женщина побледнела.

Ветер пронёс по дороге горсть сухих листьев, хотя деревья стояли голыми.

— Кто тебе это сказал?

— Один мужчина.

— Какой мужчина?

— Высокий. Чёрные волосы, чёрная одежда. Очень неприятный характер.

Госпожа Пак не засмеялась.

Она посмотрела через плечо Соён, на горы, а затем быстро перекрестила пальцы на груди — старый жест, которым в этих местах отгоняли несчастье.

— Ты разговаривала с ним?

— Да.

— И он назвал своё имя?

— Хван.

Чашка, которую женщина держала в руке, выскользнула и разбилась о каменную дорожку.

Они обе уставились на осколки.

— Простите, — пробормотала госпожа Пак.

Она опустилась на корточки, торопливо собирая черепки.

— Госпожа Пак, что происходит?

— Ничего.

— Вы уронили чашку, услышав его имя.

— Руки старые.

— Вы даже не спросили, откуда я его знаю.

Женщина резко подняла голову.

В её глазах стоял настоящий страх.

— Послушай меня внимательно, Соён-а. Ты уже не ребё-

нок, поэтому я не стану говорить, будто всё это сказки. Но есть вещи, которые лучше оставить в покое.

— Например?

— Лес.

— Что с ним?

— Он не любит, когда люди задают вопросы.

Соён скрестила руки на груди.

— А Хван?

Госпожа Пак посмотрела на неё так, будто Соён произнесла имя покойника в комнате, где лежит его тело.

— Особенно он.

Женщина собрала осколки, поднялась и сунула их в карман фартука.

— Иди домой. Не выходи после заката. Если услышишь голос за дверью, не открывай. Если увидишь свет между деревьями, не иди на него. И что бы ни случилось…

Она схватила Соён за запястье.

— Не называй его по имени.

— Почему?

Госпожа Пак отпустила её.

— Потому что он может услышать.

В этот момент за спиной Соён раздался спокойный мужской голос:

— Уже услышал.

Обе женщины обернулись.

На противоположной стороне дороги стоял молодой че-

ловек в сером пальто. На вид ему было около тридцати. Он держал бумажный пакет с продуктами и смотрел на них с таким выражением, словно услышал нечто совершенно обыкновенное.

Госпожа Пак поклонилась ему.

— Господин Кан.

— Доброе утро.

Мужчина перевёл взгляд на Соён.

— Вы внучка госпожи Ким?

— Да.

— Меня зовут Кан Минджэ. Я работаю в администрации деревни. Ваша бабушка часто помогала нам с документами.

Он говорил спокойно, без той настороженности, которую Соён видела у остальных.

— Примите мои соболезнования, — добавил он. — Если вам понадобится помощь с домом, обращайтесь.

— Спасибо. На самом деле у меня есть вопрос.

— Слушаю.

— Вы знаете, кто такой Хван?

Минджэ перестал улыбаться.

Всего на мгновение. Но Соён заметила.

Он посмотрел на госпожу Пак, которая поспешно отвернулась, затем снова на Соён.

— Где вы услышали это имя?

— В лесу.

— Когда?

— Вчера ночью.

Пак тихо втянула воздух.

Минджэ поставил пакет на землю.

— Вы ходили в лес ночью?

— Нет. Он пришёл к моему дому.

Мужчина некоторое время молчал.

Потом поднял пакет.

— Вам следует поговорить с хранителем святилища.

— Где его найти?

— За старым мостом, у подножия горы. Вы увидите каменные ступени. Поднимайтесь, пока не дойдёте до маленького павильона.

— Он сможет объяснить, что происходит?

— Не знаю.

— А вы?

Минджэ посмотрел ей прямо в глаза.

— Я знаю только одно. Ваша бабушка боялась дня, когда вы вернётесь.

Он поклонился и пошёл прочь.

Соён смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

Затем повернулась к госпоже Пак.

— Что ещё вы от меня скрываете?

Но пожилая женщина уже закрывала лавку.

Старый мост находился в северной части деревни.

Когда-то по нему возили дрова и рис к горному храму. Те-

перь доски потемнели от дождей, а каменные опоры покрылись мхом. Под мостом журчал ручей, почти скрытый снегом.

За ним действительно начинались ступени.

Их было много.

Они поднимались между соснами, петляли вдоль склона и исчезали в серой дымке. По обеим сторонам стояли небольшие каменные фигурки с округлыми лицами. У некоторых отсутствовали носы, у других были отколоты руки.

Соён остановилась перед первой ступенью.

В детстве бабушка никогда не водила её сюда.

Она сказала себе, что это просто старое святилище. Ничего необычного. В горах Кореи таких мест тысячи.

И всё же, когда она ступила на первую каменную плиту, лес вокруг затих.

Не постепенно.

Сразу.

Перестали шуршать ветви. Пропало журчание ручья. Даже собственное дыхание показалось Соён слишком громким.

Она поднялась ещё на несколько ступеней.

На одной из каменных фигурок лежала свежая веточка вишни.

Соён не стала к ней прикасаться.

Павильон оказался небольшим, с деревянной крышей и потемневшими колоннами. Перед входом висел колоколь-

чик. Он звякнул, хотя ветер по-прежнему не двигался.

Внутри сидел старик.

Он был худым, почти прозрачным на вид, с длинными седыми волосами, собранными в низкий узел. На коленях лежало раскрытое письмо. Рядом стоял чайник, от которого поднимался тонкий пар.

Старик не поднял головы.

— Ты долго шла.

Соён остановилась у порога.

— Вы меня ждали?

— Нет.

Он перевернул страницу.

— Но знал, что ты придёшь.

— Это одно и то же.

— Для молодых людей — возможно.

Соён сняла ботинки у входа и прошла внутрь.

— Мне сказали, что вы хранитель святилища.

— Кто сказал?

— Кан Минджэ.

— А. Этот мальчик слишком много разговаривает.

— Он старше меня.

— Для меня он мальчик.

Старик наконец посмотрел на неё.

Его глаза были мутными от возраста, но взгляд оказался неожиданно острым.

Он изучал лицо Соён, будто искал на нём следы старой

болезни.

— Подойди ближе.

Она подошла.

Старик протянул руку, но не коснулся её. Его пальцы остановились в нескольких сантиметрах от её щеки.

— Значит, это правда, — прошептал он.

— Что именно?

— Ты вернулась.

— Я уже слышала это сегодня несколько раз. Не могли бы вы объяснить, что все имеют в виду?

Старик убрал руку.

— Сначала ответь мне. Ты видела цветы?

Соён похолодела.

— Какие цветы?

— Не лги старому человеку. У меня мало времени, а у тебя его может не остаться совсем.

Она посмотрела на его лицо.

— Да.

— Где?

— В лесу. Деревья расцвели посреди зимы.

Старик закрыл глаза.

Его губы беззвучно шевелились, словно он произносил молитву.

— А потом?

— Потом мужчина по имени Хван сказал, что я умерла.

Старик резко открыл глаза.

— Он назвал тебя по имени?

— Нет. Я назвала его.

— И он ответил?

— Да.

Старик медленно отодвинул чашку.

— Тогда слушай меня внимательно.

Он говорил негромко, но в его голосе появилась такая тяжесть, что Соён невольно выпрямилась.

— Есть три правила, которые нельзя нарушать, если живёшь у этого леса.

— Какие?

— Первое: не входи в лес после заката.

— Это я уже слышала.

— Второе: никогда не принимай от незнакомца цветок, сорванный в лесу.

Соён вспомнила белый цветок на полу.

— А третье?

Старик посмотрел на неё.

— Если увидишь во сне женщину со своим лицом, не спрашивай, как её зовут.

Соён почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Почему?

— Потому что однажды она ответит.

— И что тогда?

Старик долго молчал.

— Тогда она вспомнит, что ты заняла её место.

Соён отступила на шаг.

— Кто она?

Старик отвёл взгляд.

— Я не знаю.

— Вы лжёте.

— Да, — спокойно ответил он. — Но не об этом.

Соён сжала руки.

— Хватит говорить загадками! Я хочу знать, что происходит с моей семьёй. Почему моя бабушка боялась леса? Почему этот Хван пришёл к моему дому? И почему он назвал меня умершей?

Старик посмотрел на её правую руку.

— Покажи запястье.

— Зачем?

— Пожалуйста.

Соён закатала рукав.

На коже чуть выше ладони виднелась тонкая красная линия.

Она появилась утром.

Соён заметила её, когда мыла руки, и решила, что поцарапалась о старую дверную ручку. Но линия была слишком ровной, словно её нарисовали красными чернилами.

Старик побледнел.

— Где ты взяла нить?

Соён молчала.

— Девочка, где ты взяла нить?

— Она появилась у меня во сне.

Старик медленно опустился на колени.

Соён испуганно отступила.

— Что вы делаете?

Он склонил голову до самого пола.

Не перед ней.

Перед её рукой.

— Простите, — прошептал он. — Я не знал, что вы вернулись.

— Встаньте!

Старик не двигался.

— Я не знал, что обет ещё действует.

— Какой обет?

Он поднял голову.

В его глазах блестели слёзы.

— Обет первой невесты.

Слова повисли в воздухе.

Соён почувствовала, что ей не хватает места в маленьком павильоне. Она подошла к двери, но не вышла.

— Какой ещё невесты?

Старик поднялся с трудом и сел на прежнее место.

— Двести лет назад в этом лесу жил дух по имени Хван. Он был хозяином гор, рек и всех деревьев между ними. Люди приносили ему дары, просили защиты, молились о хорошем урожае. Пока он был доволен, деревня процветала.

— А потом?

— Потом люди перестали благодарить его. Они начали рубить деревья, отравлять ручьи, ставить ловушки на зверей. Хван прогнал их из леса. Многие погибли, пытаясь вернуться за своими домами.

Соён вспомнила холодный взгляд мужчины у окна.

— Он ненавидит людей.

— Нет. Ненависть — чувство человеческое. Хван просто перестал считать нас достойными жалости.

— Но что случилось двести лет назад?

Старик посмотрел в сторону леса.

— Однажды весной в деревне появилась девушка. Она была дочерью травника и умела разговаривать с животными. По крайней мере, так рассказывали. Когда Хван пришёл за ней, она не испугалась.

— Он выбрал её невестой?

— Да.

— И что с ней стало?

Старик сжал ладони.

— Она исчезла.

— Как исчезла?

— После свадьбы её никто больше не видел.

Соён вспомнила сон. Белое платье. Красную нить. Мужскую руку на плече женщины.

— А другие девушки?

— Какие другие?

— Те, что жили в моём доме. Я видела их во сне. Они все

выглядели как я.

Старик побледнел ещё сильнее.

— Ты видела их?

— Да.

— Сколько?

— Не знаю. Три. Может быть, больше.

Он закрыл лицо ладонями.

— Значит, лес снова начал считать дни.

— До чего?

— До свадьбы.

Соён почувствовала, как внутри поднимается раздражение, почти спасительное в своей привычности.

— Послушайте, я не собираюсь выходить замуж за лесного духа. Я приехала продать дом и уехать.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясните!

Старик поднял голову.

— Дом принадлежит твоей семье не случайно. Его построили там, где заканчивается земля людей и начинается земля Хвана. Твои предки дали ему обещание, а он позволил им жить у леса.

— Какое обещание?

— Каждые сто лет семья должна была отдать ему невесту.

Соён уставилась на него.

— Вы хотите сказать, что моя семья веками отправляла девушек умирать?

— Я хочу сказать, что люди готовы назвать любую жертву необходимой, если боятся потерять то, что любят.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Соён резко отвернулась.

Ей захотелось уйти, спуститься в деревню, купить билет на автобус и больше никогда не возвращаться. Но она вспомнила бабушку — её тонкие руки, тихий голос, чашку на столе.

Ты всё равно однажды вернёшься.

— Моя бабушка была одной из них? — спросила Соён.

— Нет.

— Тогда кто?

Старик не ответил.

— Она была невестой Хвана?

— Нет.

— Она должна была стать ею?

Старик медленно кивнул.

Соён почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Почему она не стала?

— Потому что двести лет назад одна девушка нарушила договор.

— Та самая первая невеста?

— Да.

— Что она сделала?

Старик посмотрел на неё долгим взглядом.

— Она полюбила Хвана.

Соён невольно рассмеялась. Коротко, неверяще.

— И это было запрещено?

— Духи не должны любить людей. Люди не должны любить духов. Когда такое случается, лес перестаёт понимать, кому принадлежит сердце человека.

— Это звучит как сказка.

— Сказки придуманы для того, чтобы люди могли говорить правду, не называя её правдой.

Соён замолчала.

За стенами павильона что-то тихо скрипнуло.

Старик повернул голову.

— Ты слышала?

— Что?

— Ничего.

Но его лицо изменилось.

Он встал и подошёл к двери. Долго смотрел на заснеженные ступени, затем вернулся к столу и достал из ящика маленький деревянный футляр.

Внутри лежала серебряная шпилька.

Она была старой, потемневшей, украшенной вырезанными цветами вишни.

— Возьми.

Соён покачала головой.

— Я не хочу больше ничего брать.

— Это принадлежало девушке, которая нарушила дого-

вор.

— Первой невесте?

— Да.

— Почему вы отдаёте её мне?

Старик закрыл футляр и вложил ей в ладонь.

— Потому что она оставила её твоей бабушке.

Соён посмотрела на шпильку.

На её поверхности были выгравированы два имени.

Одно она не могла прочесть: буквы почти стёрлись.

Второе было отчётливым.

Хван.

— Он любил её? — спросила Соён.

Старик отвернулся.

— Я не знаю.

— Вы всё время говорите, что не знаете.

— Потому что есть вещи, о которых нельзя говорить, если хочешь дожить до следующего утра.

— Вы боитесь его?

— Я боюсь не Хвана.

— А чего?

Старик посмотрел на лес.

— Того, что произойдёт, если он вспомнит.

Когда Соён спустилась с горы, солнце уже клонилось к горизонту.

Она шла быстро, крепко сжимая футляр в кармане. В голове теснились вопросы, на которые никто не собирался от-

вечать.

Невесты.

Обет.

Двести лет.

Бабушка, которая знала правду и всё равно позволила ей уехать.

И Хван, который посмотрел на неё так, словно увидел мертвеца.

У старого моста Соён остановилась.

На противоположном берегу стоял мужчина.

Чёрное одеяние. Длинные волосы. Спокойное лицо.

Хван.

Он не приближался к мосту. Просто стоял у дерева и смотрел на неё.

Соён оглянулась.

Дорога за спиной была пуста.

Когда она снова посмотрела на другой берег, мужчина уже стоял у начала моста.

Она не слышала его шагов.

— Ты разговаривала с хранителем, — сказал он.

— А ты подслушиваешь?

— Я слышу всё, что происходит в моём лесу.

— Значит, ты слышал и наш разговор.

— Не весь.

— Почему?

— Старик знает, как закрывать двери.

Соён сжала футляр в кармане.

— Ты действительно дух леса?

— А ты действительно человек?

— По крайней мере, у меня есть свидетельство о рождении.

Он посмотрел на неё без малейшего интереса.

— Люди любят бумагу. Им кажется, что если написать что-то на листе, это станет правдой.

— А тебе кажется, что если угрожать женщине, она сразу соберёт вещи и убежит?

— Обычно этого достаточно.

— Тогда тебе не повезло.

На мгновение в его глазах мелькнуло нечто похожее на удивление.

— Ты всегда была такой упрямой?

— Мы знакомы?

— Нет.

Он ответил слишком быстро.

Соён сделала шаг к нему.

— Тогда почему ты сказал, что я умерла?

Хван замолчал.

Ветки над его головой дрогнули.

— Потому что ты должна была умереть.

— Когда?

— Давно.

— Двести лет назад?

Он посмотрел на неё.

И Соён поняла, что угадала.

— Кто я для тебя? — спросила она.

— Никто.

— Тогда почему лес расцвёл, когда я назвала твоё имя?

Хван впервые отвёл взгляд.

— Потому что лес глуп.

— Лес?

— Он слишком долго жил без хозяина, которому мог бы доверять.

— А ты не его хозяин?

— Я и есть лес.

Он произнёс это так просто, что Соён не нашла, что ответить.

Хван протянул руку.

— Отдай.

— Что?

— То, что дал тебе старик.

Соён застыла.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, что он хранил.

— Это шпилька твоей невесты?

Лицо Хвана изменилось.

Не сильно. Лишь уголок рта дёрнулся, а пальцы медленно сжались.

Но этого оказалось достаточно.

— Кто рассказал тебе это имя? — спросил он.

— Ты не ответил.

— Отдай шпильку, Соён.

Впервые он произнёс её имя.

И в тот же миг из леса донёсся глубокий треск.

Где-то далеко, за горами, упало дерево.

Потом ещё одно.

Хван закрыл глаза.

На его лице появилась такая боль, что Соён на мгновение забыла, как сильно его боится.

— Не называй меня так, — прошептал он.

— Как?

— По имени.

— Но тебя зовут Хван.

Он открыл глаза.

— Не для тебя.

Между ними повисла тишина.

Соён медленно вынула футляр из кармана, но не отдала.

— Скажи мне правду. Что случилось с первой невестой?

Хван посмотрел на серебряную шпильку.

Долгое время он не двигался.

Потом произнёс:

— Она умерла.

— В твоих объятиях?

Его взгляд метнулся к её лицу.

Соён почувствовала, как сердце ударило о рёбра.

Она не собиралась задавать этот вопрос. Слова сами сорвались с губ — точь-в-точь как во сне, где незнакомая женщина предупреждала её не позволять Хвану вспомнить.

— Кто сказал тебе это? — спросил он.

— Никто.

— Ты лжёшь.

— Я видела её.

Хван шагнул к ней.

Соён заставила себя не отступать.

— Во сне, — добавила она. — Женщину с моим лицом. Она сказала, что я опоздала.

Хван побледнел.

Впервые за все две тысячи лет его существования лес вокруг него замер так, словно боялся услышать продолжение.

— Что ещё она сказала?

Соён вспомнила белое платье, красную нить и мужскую руку на плече.

— Она сказала, чтобы я не позволяла тебе жениться на мне.

Хван смотрел на неё, не моргая.

— А потом?

— Потом она сказала: «Не позволяй ему вспомнить».

Он медленно опустил руку.

— Нет, — произнёс он.

Это было то же слово, которое он сказал прошлой ночью, когда деревья покрылись цветами.

Только теперь в нём не было страха.

В нём было отчаяние.

— Ты должен уехать, — сказал Хван.

— Я уже говорила, что не уеду.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Тогда объясни!

Он схватил её за запястье.

Прикосновение было ледяным.

Соён вскрикнула, но не успела вырваться.

Красная линия на её коже вспыхнула.

И где-то в глубине леса прозвучал колокольный звон.

Один удар.

Второй.

Третий.

Хван отпустил её так резко, словно обжёгся.

Соён посмотрела на запястье.

Красная линия исчезла.

Вместо неё вокруг руки обвивалась тонкая шёлковая нить — та самая, что она нашла утром после сна.

Теперь нить была натянута.

Один конец уходил под рукав Соён.

Другой исчезал в ладони Хвана.

Они оба смотрели на неё.

— Что это? — прошептала Соён.

Хван не ответил.

Он смотрел на нить с выражением человека, который всю

жизнь боялся одного-единственного дня и наконец дождался его.

— Сколько времени? — спросил он.

Соён растерялась.

— Что?

— До полнолуния.

— Я не знаю. Несколько недель, наверное.

— Нет.

Он поднял глаза к небу.

Солнце ещё не село, но над горами уже проступала бледная луна.

— Три ночи, — сказал он.

— Что случится через три ночи?

Хван посмотрел на неё.

— Лес выберет невесту.

Он повернулся и шагнул в сторону деревьев.

— Подожди!

Он остановился, но не обернулся.

— Ты говорил, что убьёшь меня, если я останусь.

— Я передумал.

— Почему?

Хван долго молчал.

Потом ответил:

— Потому что теперь, если ты умрёшь, умру и я.

Он исчез между деревьями.

А Соён осталась стоять у старого моста, с серебряной

шпилькой в кармане и красной нитью на запястье.

На другом берегу медленно распускались вишни.

И впервые за двести лет в горном святилище зазвонил колокол, который никто не трогал.

Глава 3

Глава третья

Нить, которую нельзя разорвать

Соён обнаружила, что красная нить исчезла, только когда вернулась домой.

Она стояла посреди комнаты, всё ещё не сняв пальто, и смотрела на собственное запястье.

Кожа была чистой.

Ни красной линии, ни тонкого шёлкового волокна, ни следа от прикосновения Хвана.

Только холод.

Он остался внутри её ладони, будто мужчина по-прежнему держал её за руку.

Соён сжала пальцы.

— Ненормальный, — пробормотала она.

Она не знала, к кому обращается: к Хвану, к лесу или к собственной жизни, которая за два дня превратилась в дурную сказку.

Вчера она хоронила бабушку.

Сегодня старик в горном святилище рассказывал ей о человеческих невестах для лесного духа, а мужчина, обещавший её убить, сообщил, что теперь они связаны и что через три ночи лес выберет себе невесту.

Любой нормальный человек купил бы билет на первый автобус до Сеула.

Соён решила, что именно так и поступит.

Она достала телефон, нашла расписание автобусов и открыла приложение для покупки билетов.

Ближайший рейс отправлялся завтра в девять утра.

Она нажала кнопку бронирования.

Экран мигнул.

Появилось сообщение об ошибке.

Соён попробовала ещё раз.

Ошибка.

— Прекрасно.

Она бросила телефон на кровать и пошла на кухню. Нужно было поесть, согреться и перестать думать о всякой ерунде.

На столе стояла чашка бабушки.

Рядом лежала вишнёвая веточка.

Цветы на ней закрылись.

Соён остановилась.

Утром они были раскрыты, белые лепестки казались почти прозрачными. Теперь ветка выглядела сухой и мёртвой.

Она осторожно коснулась одного цветка.

Лепестки осыпались на стол.

В ту же секунду телефон зазвонил.

Соён вздрогнула и схватила его.

На экране высветился неизвестный номер.

— Алло?

Сначала она услышала только дыхание.

Затем тихий женский голос произнёс:

— Не уезжай.

Соён замерла.

— Кто это?

— Если ты покинешь дом, он умрёт.

— Кто умрёт?

— Тот, кто не умеет жить без тебя.

Связь оборвалась.

Соён медленно опустила телефон.

В доме было тихо.

За окном начинало темнеть.

И вдруг из глубины леса донёсся звук, похожий на долгий, тяжёлый вздох.

Будто кто-то огромный перевернулся во сне.

Вечером Соён нашла бабушкину шкатулку.

Она стояла в нижнем ящике комода, под стопкой старых полотенец. Деревянная крышка потемнела от времени, а на замке виднелись царапины.

Соён помнила эту шкатулку с детства.

Бабушка никогда не разрешала ей открывать её.

«Там ничего интересного», — говорила она.

В детстве Соён верила.

Теперь она уже знала, что бабушка часто говорила неправду.

Шкатулка открылась без ключа.

Внутри лежали несколько пожелтевших фотографий, маленькое зеркальце, засохшие цветы и сложенный вчетверо лист бумаги.

На самой верхней фотографии была изображена молодая женщина.

Она стояла у каменной стены, придерживая рукой волосы. На ней было простое светлое платье, а на запястье виднелась тонкая красная нить.

Соён приблизила фотографию к лампе.

Женщина была похожа на неё.

Не настолько, чтобы их можно было принять за одного человека. У незнакомки были более узкие глаза, чуть другой подбородок и длиннее волосы.

Но улыбка…

Соён перевернула фотографию.

На обратной стороне выцвевшими чернилами было написано:

Юнха. Весна. Год деревянной змеи.

Соён вспомнила слова хранителя святилища.

Девушка, которая полюбила Хвана.

Первая невеста.

Она развернула лист бумаги.

Почерк принадлежал бабушке.

«Соён-а.

Если ты читаешь это письмо, значит, я не успела расска-

зать тебе всё сама.

Прости меня.

Я надеялась, что ты никогда не вернёшься в этот дом. Не потому, что не хотела тебя видеть, а потому, что здесь тебя ждёт то, от чего я пыталась тебя уберечь.

Не верь всему, что говорят о Хване.

Но и не верь ему во всём.

Есть обещания, которые старше человеческой памяти. Есть вещи, которые нельзя отменить, даже если все участники давно умерли.

Если ты увидишь красную нить, не пытайся её разорвать.

Сначала узнай, кому принадлежит второй конец.

И помни: нить связывает не тех, кто должен быть вместе, а тех, кто однажды не смог отпустить друг друга.

Твоя бабушка».

Соён перечитала письмо.

Потом ещё раз.

— Как удобно, — сказала она вслух. — Все знают какую-то часть правды, но никто не может рассказать всё.

Она положила письмо на стол и взяла фотографию.

В этот момент за стеной что-то тихо стукнуло.

Соён подняла голову.

Стук повторился.

На этот раз из-под пола.

Она медленно опустилась на колени.

Между половицами, возле белого цветка, пробившегося

сквозь дерево, что-то блеснуло.

Красная нить.

Она выходила из-под доски, тянулась по полу и исчезала за ножкой стола.

Соён осторожно коснулась её.

Нить была тёплой.

И натянутой.

Она проследила за ней взглядом.

Нить уходила к двери.

Дальше, под порогом, исчезала в темноте.

Соён встала.

Она уже знала, куда ведёт эта нить.

В лес.

Хван ждал её у старой сосны.

Он стоял на поляне, где снег лежал нетронутым белым покрывалом. Вокруг него росли деревья с голыми ветвями. На земле не было ни следов, ни примятых травинок.

Соён остановилась на границе леса.

— Ты опять пришёл к моему дому?

— Нет.

— Тогда почему нить ведёт сюда?

Хван посмотрел на её руку.

На запястье снова лежала красная нить.

— Потому что ты позвала меня.

— Я не звала.

— Ты коснулась нити.

— И что?

— Она ответила.

Соён посмотрела на него с раздражением.

— Ты можешь хотя бы один раз объяснить что-нибудь нормальными словами?

Хван некоторое время молчал.

Затем протянул руку ладонью вверх.

— Подойди.

— Нет.

— Тогда стой там и мёрзни.

Он отвернулся.

Соён стиснула зубы.

— Ты всегда такой невыносимый?

— Да.

— Поразительно, что ты прожил две тысячи лет и никто не утопил тебя в ближайшем ручье.

Хван повернул голову.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на веселье.

— Однажды пытались.

— И что случилось?

— Ручей высох.

Соён невольно улыбнулась.

Улыбка исчезла почти сразу.

Она сделала несколько шагов вперёд.

— Расскажи мне о нити.

Хван посмотрел на красный шёлк.

Его лицо стало непроницаемым.

— Где ты её нашла?

— В доме. Она появилась после того, как ты коснулся моей руки.

— А раньше?

— В детстве я однажды заблудилась в лесу. Бабушка говорила, что меня нашли возле старой сосны.

Хван замер.

— Когда?

— Мне было лет семь.

Он отвернулся к деревьям.

— Значит, тогда она уже выбрала тебя.

— Кто?

— Нить.

Соён нахмурилась.

— Нить может выбирать людей?

— Нет.

— Ты только что сказал…

— Она не выбирает. Она помнит.

Хван говорил медленно, словно каждое слово приходилось вытаскивать из глубины памяти.

— Люди думают, что красная нить связывает тех, кому суждено полюбить друг друга. Это красивая история. Она нравится людям, потому что позволяет верить: где-то существует тот, кто обязательно найдёт тебя.

Он посмотрел на Соён.

— Но настоящая нить не имеет отношения к судьбе.

— Тогда к чему?

— К обещанию.

Ветер прошёл по поляне.

Снег у ног Хвана поднялся тонким вихрем и опустился обратно.

— Двести лет назад одна женщина попросила меня связать наши запястья красным шёлком. Она сказала, что хочет найти дорогу ко мне, если мы потеряем друг друга.

— Юнха?

Он не ответил.

Но Соён поняла.

— Ты любил её?

— Да.

Ответ прозвучал так просто, что у Соён перехватило дыхание.

Она ожидала отрицания, раздражения, очередной загадки.

Но Хван не стал прятаться за словами.

— Что с ней случилось?

Он опустил взгляд.

— Она умерла.

— В твоих объятиях?

— Да.

Соён посмотрела на красную нить.

— И после этого она исчезла?

— Нет. Исчезла нить.

— Какая разница?

— Для тебя — никакой.

Он поднял глаза.

— Для меня — две сотни лет.

Соён не знала, что ответить.

Хван протянул руку.

— Дай мне запястье.

На этот раз она подчинилась.

Он осторожно взял её за руку. Его пальцы были холодными, но не такими ледяными, как прежде.

Красная нить обвивала их запястья.

Один конец исчезал под рукавом Соён.

Другой — под рукавом Хвана.

— Это та самая нить? — спросила она.

— Нет.

Соён нахмурилась.

— Ты же сказал…

— Та нить исчезла. Эта появилась заново.

— Откуда?

Хван посмотрел ей в глаза.

— Из обещания, которое не было исполнено.

Он провёл пальцем по шёлку.

— Когда Юнха умерла, она попросила меня отпустить её. Я отказался. Я хотел вернуть её, даже если для этого пришлось бы уничтожить весь лес.

— И что ты сделал?

— Я попытался.

В его голосе не было гордости.

— Деревья расцвели посреди зимы. Реки вышли из берегов. Все звери покинули горы. Я заставил лес отдать мне всё, что он мог отдать.

— Но она не вернулась.

— Нет.

Хван отпустил её руку.

— И тогда я понял, что могу заставить расти деревья, могу повелевать ветром и водой, могу слышать каждый звук в своём лесу. Но не могу заставить мёртвого человека вернуться.

Соён молчала.

Впервые она увидела в нём не древнего бога, который привык повелевать всем вокруг, а того, кто однажды потерял единственного человека, которого не сумел удержать.

— Но почему нить появилась у меня? — спросила она.

— Потому что ты произнесла моё имя.

— И это всё?

— Нет.

Хван посмотрел на её лицо.

— Потому что я ответил.

Соён почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что это значит?

— Пока ты не знала меня, нить спала. Пока я не знал те-

бя, она была просто памятью. Но когда ты назвала меня по имени, я услышал не только свой голос.

— А что ещё?

Он помедлил.

— Обещание.

Соён вспомнила сон.

Женщина с её лицом. Красная нить. Мужчина, которого она не видела.

Не позволяй ему вспомнить.

— Ты думаешь, я Юнха? — спросила она.

Хван резко поднял голову.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Почему?

— Потому что Юнха умерла.

— А если я её перерождение?

— Я сказал нет.

Впервые в его голосе прозвучал настоящий гнев.

Деревья за его спиной зашевелились.

— Ты не она, Соён.

Он произнёс её имя почти сердито.

— Ты не её лицо. Не её голос. Не её жизнь. И я не позволю лесу снова сделать с человеком то, что он сделал с ней.

Соён смотрела на него.

— Тогда отпусти меня.

Хван замолчал.

— Если я не Юнха, если ты не любишь меня и не хочешь видеть рядом, отпусти меня. Разорви эту нить.

Он посмотрел на красный шёлк.

— Я не могу.

— Ты же бог.

— Это ничего не меняет.

— Ты можешь заставить деревья цвести зимой, но не можешь разорвать обычную нитку?

— Она не обычная.

— Тогда что нужно сделать?

Хван не ответил.

Соён шагнула ближе.

— Что нужно сделать, чтобы она исчезла?

Он долго смотрел на неё.

Потом произнёс:

— Один из нас должен добровольно отпустить другого.

— И всё?

— Нет.

Он отвёл взгляд.

— Тот, кого отпустят, должен остаться жить.

Соён не сразу поняла.

— Что значит «должен остаться жить»?

— Если я отпущу тебя, ты сможешь уйти. Если ты отпустишь меня, я останусь жить.

— А если никто не отпустит?

Хван посмотрел на нить.

— Тогда она будет связывать нас до самой смерти.

— Нашей общей смерти?

— Не обязательно.

Он помолчал.

— Но если один из нас умрёт, второй почувствует это.

Соён медленно убрала руку.

— И если я умру…

— Я почувствую твою смерть.

— А если ты?

— Ты почувствуешь мою.

Она посмотрела на него с недоверием.

— Это похоже на проклятие.

— Возможно.

— Ты знаешь, как снять его?

Хван не ответил.

Соён поняла, что он знает больше, чем говорит.

— Ты скрываешь что-то.

— Да.

— Что?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Я не знаю, почему нить вернулась.

Это был первый ответ, который прозвучал совершенно искренне.

И почему-то именно он испугал Соён сильнее всего.

Когда Соён вернулась домой, на столе лежала новая записка.

Она не заметила её, когда уходила.

Бумага была сложена вчетверо, а на лицевой стороне бабушкиным почерком было написано её имя.

Соён развернула лист.

«Если нить вернулась, значит, Хван снова почувствовал.

Не спрашивай его, помнит ли он Юнху.

Не спрашивай, почему лес выбрал тебя.

И никогда не позволяй ему разрезать нить.

Он уже пытался сделать это однажды.

После этого умерли все деревья на восточном склоне.

А вместе с ними — люди, которые жили у подножия горы.

Я не знаю, почему ты оказалась связана с ним. Но я знаю, что твоя жизнь не должна стать платой за чужое обещание.

Если ты всё ещё можешь уехать, уезжай.

Если не можешь — найди старую книгу в сундуке под полом.

Там написано, как закончилась история Юнхи.

Прости меня, Соён-а.

Я хотела, чтобы у тебя была обычная жизнь».

Соён опустила письмо.

За окном медленно темнело.

Она долго сидела неподвижно, потом поднялась и подошла к полу, где рос белый цветок.

Доска рядом с ним выглядела старой, но её края были чуть приподняты.

Соён поддела её ножом.

Под полом оказался небольшой деревянный сундук.

Он был перевязан красной нитью.

Соён осторожно развязала узел.

Внутри лежала книга в тёмном переплёте.

На первой странице было написано:

«История первой невесты. Записано со слов той, которая вернулась».

Соён перевернула страницу.

И увидела рисунок.

На нём были изображены мужчина и женщина, стоящие под цветущей вишней.

Мужчина был Хваном.

Женщина — Юнхой.

Их руки были связаны красной нитью.

Но под рисунком стояла дата.

Двести лет назад.

Соён провела пальцами по изображению.

На следующей странице было написано всего одно предложение:

Когда Юнха умерла, Хван не позволил ей уйти.

Соён перевернула страницу.

Дальше текст обрывался.

Внизу листа, словно написанное другой рукой, краснели слова:

«Если ты читаешь это, значит, он уже нашёл тебя. Не верь ему, когда он скажет, что не помнит».

Соён закрыла книгу.

За стеной послышался тихий скрип.

Она обернулась.

В дверном проёме стоял Хван.

Соён не слышала, как он вошёл.

— Ты не умеешь стучать? — спросила она, стараясь скрыть испуг.

— Я не обязан стучать в дом, который стоит на моей земле.

— Это мой дом.

— Я помню.

Он посмотрел на раскрытую книгу.

И впервые за всё время их знакомства в его лице появилось нечто похожее на ужас.

— Где ты её взяла?

— Под полом.

— Не читай её.

— Почему?

Хван шагнул вперёд.

— Потому что там ложь.

— Тогда почему ты боишься?

Он остановился.

Соён подняла книгу.

— Здесь написано, что ты не позволил Юнхе умереть.

— Она умерла.

— Но ты не позволил ей уйти.

Хван молчал.

Соён почувствовала, как красная нить натянулась между ними.

— Что ты сделал? — спросила она.

Он посмотрел на неё.

И в этот раз не стал отрицать.

— Я попросил лес вернуть её.

— И лес согласился?

Хван медленно покачал головой.

— Лес не умеет возвращать мёртвых.

— Тогда что он сделал?

Он посмотрел на красную нить на её запястье.

— Он сохранил обещание.

Соён почувствовала, как по коже пробежал холод.

— Какое обещание?

Хван ответил не сразу.

— Юнха сказала, что однажды найдёт дорогу ко мне.

В комнате стало тихо.

— И лес решил, что это значит…

— Что она должна вернуться.

Соён посмотрела на него.

— Но я не Юнха.

— Я знаю.

— Я не давала тебе обещаний.

— Я знаю.

— Тогда почему нить связывает нас?

Хван медленно поднял руку.

Красный шёлк обвивал его запястье.

— Потому что лес не понимает разницы между обещанием и желанием.

Он опустил руку.

— И, похоже, я тоже.

Впервые Соён увидела, как он боится.

Не её.

Не смерти.

А того, что однажды уже случилось и теперь готово повториться.

За окном тихо падал снег.

Белый цветок на полу раскрылся.

И красная нить, связывавшая их запястья, медленно потянулась в сторону леса.

Будто кто-то невидимый звал их обоих.

На этот раз — вместе.

Глава 4

Глава 4. Тот, кто зовёт из леса

Красная нить исчезла ещё до рассвета.

Соён долго сидела на краю постели, рассматривая своё запястье. Кожа была чистой — ни алого следа, ни тонкой бороздки, которая появлялась всякий раз, когда Хван оказывался рядом. Можно было решить, что всё случившееся было сном, если бы не белый цветок, пробившийся сквозь деревянный пол.

Он вырос за ночь.

Тонкий стебель поднимался между досками, а пять нежных лепестков раскрывались навстречу серому свету. Соён осторожно коснулась одного из них. Цветок не дрогнул, хотя от прикосновения по комнате пробежал лёгкий запах дождя и свежей земли.

— Ты хотя бы собираешься объяснить, что здесь делаешь? — спросила она.

Цветок, разумеется, не ответил.

Соён вздохнула и поднялась.

За окном лежало предрассветное молоко тумана. Он заполнял сад, прятал старую ограду и стекал по склону к лесу. Вишни, которые ещё вчера стояли голыми, теперь были покрыты крошечными бутонами. Некоторые уже раскрылись, хотя до весны оставалось далеко.

Это было красиво.

И совершенно неправильно.

Соён вспомнила лицо Хвана, когда она впервые произнесла его имя. Он смотрел на неё так, словно из могилы поднялся человек, которого он сам похоронил.

«Ты ведь умерла».

Не «ты вернулась».

Не «я ждал тебя».

Именно умерла.

Она подошла к окну.

Лес начинался сразу за оградой. Вчера он казался ей стеной из тёмных стволов и переплетённых ветвей. Сегодня между деревьями виднелась узкая тропа, которой Соён раньше не замечала. Она уходила в глубину горы, туда, где туман становился плотнее.

Соён отвернулась.

Ей нужно было найти ответы, а не ещё раз проверять, насколько далеко может завести её любопытство.

Сначала — завтрак. Потом — книга, которую она нашла под полом. И, если повезёт, разговор с кем-нибудь, кто не станет бледнеть при упоминании имени Хвана.

Она уже потянулась за курткой, когда услышала стук.

Три удара.

Тихих, осторожных, словно тот, кто стоял снаружи, боялся потревожить дом.

Соён замерла.

— Кто там?

Ответа не последовало.

Она подошла к двери, но не открыла её сразу. Вспомнила предупреждение хранителя святилища: не входить в лес после заката, не принимать лесных цветов от незнакомцев, не спрашивать имя женщины, которая появляется во сне.

Ни одно правило не запрещало открывать дверь утром.

Это было утешительно.

Соён отодвинула засов.

На крыльце никого не оказалось.

Только на ступеньке лежала маленькая деревянная коробочка.

Она была такой старой, что древесина потемнела почти до чёрного цвета. На крышке кто-то вырезал ветку вишни. В центре ветки, там, где должен был распуститься цветок, виднелась крошечная трещина.

Соён огляделась.

— Если это очередное предупреждение, могли бы хотя бы подписаться.

Ветер прошёлся по саду. Где-то в глубине леса хрустнула ветка.

Она подняла коробочку.

Дерево оказалось тёплым.

Внутри лежал маленький серебряный колокольчик, перевязанный красной нитью.

Соён резко захлопнула крышку.

— Нет. Нет, спасибо.

Она оставила коробочку на крыльце и вернулась в дом.

Через минуту коробочка стояла на столе.

Соён остановилась на пороге кухни.

Она точно помнила, что оставила её снаружи. Даже помнила, как повернулась к двери и увидела коробочку на ступеньке в последний раз.

Теперь она лежала рядом с книгой о первой невесте.

— Прекрасно, — пробормотала Соён. — Мой дом окончательно сошёл с ума.

Она не прикоснулась к коробочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.